

“Когда хочется чихнуть”

Монолог записанный со слов участника боевых действий на Донбассе в 2014 - 2017 году.

Место действия:

Хостел “Вежливый лось, с местами по 300 рублей. Там останавливаются мигранты и бездомные. Приходит дед с сумкой на колёсах. Он там живёт.

- У меня нет телефона. Подскажите, в Италии сейчас матч, кто выиграл? Не знаете? Я просто у меня работа. Ставки делаю на спорт.

Администратор красит стену. Юноша с бегающими глазами. Если вы попытаетесь встретиться с ним взглядом, он обязательно их отведёт. Когда ему надо переместиться, он прихрамывает.

Администратор: Нет, опять начну с конца. Каждый раз, когда мне приходится общаться, я чувствую какую-то испуганность. Кажется, все нормально, но что-то непреодолимое. Хотя я расслаблялся.

Меня тогда перевели на гражданку. Ну как... Попробовали перевести. Это было как местная полиция. И там был дядька педофил. А я не знал как действовать без приказа. Я сделал так, что он больше не дышал. А выяснилось что было нельзя. Но тогда мне никто ничего не объяснил. Тогда меня решили в училище спихнуть.

А другой случай. Нас было 9 человек, и потом нас забрали на подвалы. Сейчас в живых остался один я. И один из моих друзей, Володя, у нас тогда был выезд. Он поехал со мной. И стал докапываться про мою девушку. В общем. Он тогда не вернулся. Я его... Я сказал остальным, что он просто не вернулся с выезда. Это было самое плохое.

Кому-то хотелось повоевать, потому что он молодой и якобы с ним точно ничего не случится. После первого обстрела они всячески пытались уйти. Но, если ты подписываешь контракт, разорвать его можно только при серьезных обстоятельствах семейных или каких-то. Некоторые шли неосознанно. Кто-то хотел денег подзаработать. Кто-то хотел приносить пользу. На самом деле, среди днр-овских тоже были уголовники. Как и я, смогли пропихнуться или через знакомых.

От изнасилования я отошел. Я тогда рассказывал про зеленую синь, ополченцев. Они называют себя солдатами и военнослужащими. Зеленые снаружи, а сами по себе синие. По поводу контингента, который остался до сих пор. Хотя я думал, что он был только в начале основания. Мы с Артемом просто ехали в автобусе, слушали музыку в наушниках. смотрю, что там один руками машет. Я наушники снял, поворачиваюсь. Смотрю - дядька по форме. Вроде даже младший сержант, но не полицейский, а военнослужащий. Вы, говорю, кто? Удостоверение покажи, если ты из военной прокуратуры или что. Он повякал, повякал. Я рукой махнул и дальше музыку слушать. Потом смотрю, что он достал нож в открытую, где люди, общественный транспорт.

Сидел и права качал. Я понял, что, в принципе, не особо много изменилось. Как была гниль в городе, так она и осталась среди нашего зеленого населения. Хотя дядька уже лет 40, наверное.

Солдаты могут убивать военнопленных. Поэтому я это и называю ополчением. Хотя каждый раз, когда натыкаюсь на ополченца, называю все происходящее военизированными бомжами. Он катался на красивой технике, у него был автомат со всяким обвесом, он был в чистенькой форме. И вообще он ходил в офицерском звании. Конечно, от меня было странно слышать, что я называю его великую армию страны Донецкой республики военизированными бомжами. Был я, в том контингенте - да. Конечно, не без изъянов, была гнильца. Куда без них?

Трофеи... Я не старался забирать что-то целенаправленно, но иногда появлялся спортивный интерес найти что-то отдельное, как правый сектор. Там были одни уроды. Я еще ни разу не встретился с человеком с обозначительными знаками из правого сектора, чтобы можно было просто разойтись. Не получалось с ними разойтись. Если они попадали в плен, их не допрашивали, над ними просто издевались. Даже пытались публично на распятие вешать и сжигать. Все это снимали и выставляли на обозрение в соц сети. Я часто считали себя прям нацистами. Правда, весь патриотизм тает после первого этапа допроса

Когда он понимает, что ему сделают больно и он ничего с этим сделать не может, то весь героизм сразу уходит. Сначала он может повыпендриваться, что он всех убьет и изнасилует три поколения. А потом простите и отпустите, меня принудительно забрали.

Трофеи не считал. Как в случае с Володей, не обязательно стягивать трофей с мертвого тела. Иногда я вел счет символикой. В некоторой степени, как зарубка. Руна. Состоит она из четырех линий. Соответственно, одна зарубка это четыре единицы. Не думаю, что меня бы хватило на 100 человек.

Одна полоска. Четыре единицы чего-либо. Они не всегда были законченными. Я сильно не считал. В среднем было 12 выездов в год. Когда мне было совсем плохо, то перерывы были куда дольше. Когда я нуждался уже в медицинской помощи. Одна смена жилета после нескольких пулемётных очередей могла обойтись мне в месяц валяний и без всяких нагрузок.

Некоторые очень начинали зазнаваться. Особенно кураторы. Они решили, что они приедут и их будут считать богами. Когда сопелка около 25 лет пытается давить на мужиков, работяг, шахтеров, выглядит это смешно. Позже еще смешнее, но не для офицеров. При мне одного окунали головой в унитаз. Показывали место его мнению. Российский куратор. Они себе слишком много начал позволять и не соблюдал субординацию. Когда закончилось время российских кураторов, когда в них пропала надобность, в Донецке пошли уже свои кадровые офицеры, появилась новая проблема - днр-овские офицеры. Они тоже начинали слишком много себе позволять.

Мы делали самокрутки с добавлением лсд и гашиша. После употребления первые 20 минут надо было посидеть. Сразу чувствовалась легкость. Так же было и с весом. Один сослуживец перенапрягся: у него лопнула грудная мышца. Рука перестала

работать. Почернела рука, грудина... Отходняки были не самые приятные. Из-за перегрузки болели мышцы и кости. Голова чумная от обезвоживания и от употребления. Не всегда на трезвую голову получалось... Мы начали употреблять, когда что-то пошло не так после 14-го года. Переломным моментом стал наш товарищ, которого забили палками. Допинг воспринимался как доп средство.

Это была прикладная техника. Вот тебе основа, а дальше дорабатывай и отталкивайся от этого. Я не показывал ничего невозможного. Это как я преподавал ножевой бой в школе пластиковыми ножами. Да, я радовался, что я ничему не научил, но у них все получается. Отталкивались от основы и от практики. В случае ранения - они хотя бы знают, как оказать себе первую помощь. Знаю самые опасные места и куда ножом бить не стоит. Человек уязвимое существо.

Меня всегда называли дебилом, а я всегда носил каску и бронежилет. Когда мне кирпичом сорвало каску с головы, я понял, что не зря.

Кажется, у меня со вчерашнего дня пробилась щетина. А усы не растут. Переходный возраст не окончен. Этим я пошел в деда, а не в отца.

Пожалуй, расскажу самое веселое. Сафари. Я рассказывал или нет? Смотрю, собирается кучка наших днр-овских вояк, цинковые коробки патронами набивают и водку с собой берут. Еще закуску и рюкзаки. Спрашиваю: «Вы куда?» Отвечают: «На сафари. Хочешь с нами?» Давайте. Мы поползли в сторону линии соприкосновения, но немножко в сторону. Такая небольшая лесистая местность наших степей. Когда прибыли, ждали около получаса. Старший отправленной на сафари группы начал окликать: «Ну, что, пришли? Принесли?» Отвечают: «Да, все наши здесь. А у вас?» Давай перекидываться. Тут начала летать водка с колбасой. Те украинскую водку стали кидать, а эти - днр-овское все. Отползли обратно. Иногда шутки травили, нажрались, перекусили. Постреляли и разошлись. Вот и все сафари - обмен водкой.

Они периодически так делали. Было даже, что договаривались о времени обстрелов по телефону. Когда был командирован опять, дядька такой Гиви вставал и что-то говорил, а потом у него будто парализовало одну часть тела. Просто стоит и трясется прям на построении. Медики подбежали, обкололи его, отпустило, кажется, продолжил дальше доносить информацию. Третий случай - другое построение. Стоим, что-то рассказывают, нам скучно, мы чуть ли не в носу ковыряемся. Тут один падает с автоматом, магазин отстегнулся, патроны посыпались. Начинаем его расталкивать и спрашивать, что случилось. Говорит, что сильно скучно стало и он решил проверить, насколько долго он может не дышать. И он потерял сознание.

С 15-го года, потому что в 14-м был аэропорт. По первую половину 17-го. В 16-м все пошло на спад. В 17-м были не такие активные боевые действия. Выезд чаще ограничивался только позицией. На позицию приезжаешь, обстрел начинается, по ней ответ дать нельзя, потому что нет приказа. Перерывы между выездами были достаточно значительными. Были моменты, когда мне необходимо было отлежаться некоторое время. Обо мне никто не вспоминает и я повода не даю.

В 14-м году всех добровольцев отправляли на две недели или около того в Ростов. Потом уже сами начинали заниматься своими подразделениями и боевыми

единицами. Пока человек не будет готов отправиться, его не отправляли, пока не пройдет курс. В 16-м году на это начинали подзабывать. Хотя в основном люди, которые шли в ополчение, оказывались в каком-то стройбате. Некоторые уходили в это время, потому что, вроде как, все закончилось. У меня одноклассник из университета пошел в ополчение и очень этим гордился. Но, когда я спрашивал у него о его распорядке дня, он толком ничего не мог ответить, ему было стыдно. Все, что он делал, разбирали и грузили ящики и что-то по хозяйству, все. Хотя я этому идиоту предлагал поехать со мной в Питер и работать в охране. Ну, охрана как перевалочный пункт для нелегального мигранта. Сиди, получай деньги и от этого отталкивайся. Хочешь - занимайся документами, хочешь - делай что-то еще. Мне всегда было тяжело, когда нет границ. Когда я оказываюсь вот так брошенный в общество, иногда мне даже тяжело идти. На вокзальной площади куча людей, я уже начинаю немножко теряться. Могу даже оступиться. Заговорить с кем-то крайне проблемно.

Я, честно говоря, в министерство обороны не лезу, но, пока Захарченко был, уверен, что он пытался участвовать во всех процессах. Когда я был в Донецке, я смог даже встретиться со своим куратором. Он сказал, что ничего бы не поменялось, что я ушел из своего училища. Потому что после смерти Захарченко, мысли о моем звании капитана и медальках резко сошли на нет. С Чепушилиным, который сейчас при власти в Донецке, никаких договоренностей не было.

Мне не нравится сама суть, как ее преподносят. Даже контрактники просто подметаю лужи. Контрактная армия бесполезная. На срочников уже болт забили. Иногда там задрочивали, чтобы подшиваться. В основном они даже в телефонах уже спокойно сидят. Некоторые точно. Особенно срочники в Росгвардия. Это отдельный вид забивания болта. Всегда возмущала ложь и отсутствие справедливости. Это спасибо отцу.

Не знаю, насколько от этих изменений могло бы стать лучше или хуже. Я доволен тем, что имею сейчас. Если бы я остался с отцом, а не с матерью, жизнь бы сложилась иначе. Я бы не встретился с некоторыми людьми, с которыми хорошо сейчас общаюсь, не набрался бы опыта. Я бы сейчас сидел в Донецке и был бы тем самым овощем. Отец потащил бы меня в Азербайджан, я для него просто кукла. В Чечне вряд ли есть родственники, о которых он знает и хоть что-то слышал. Все родственники его там, как я знаю.

Я о себе не думаю ничего. Конечно же, я буду радоваться, если я приготовил пожрать, а это кто-то ест. Бывает так, что начинаю нервничать, когда чувствую свой потолок возможностей. Когда не смог повесить ключ на стойку, потому что руку свело. В мелочах. Когда я что-то пытаюсь делать, а что-то не получается совсем.

Распиздяйство. От него становилось просто морально легче. Без него некуда деваться.

Мы сидели рядом. Могло попасть в кого угодно. Или однажды зимой я ходил за дровами. В поселке вооруженные силы Украины, а мы, как бомжары, решили покорять степи. Ближайшие дрова возле этого поселка, еще пилить и пилить. Что-то пошло не так и нас заметили, скорее всего. Я лежал и смотрел на трассирующие пули. Не помню, о чем я думал, когда лежал с охапкой дров. Щепки в глаза начали лететь. Я больше не ходил: искал так, что было поблизости.

Один раз я попытался уехать в Россию. Мне сказали, что я военнообязанный, чтобы я возвращался назад. На тот момент мне уже было 18. Меня не пустили на границе. Не захотели, хотя призывом и не пахло. Что-то пошло не так. Я хотел поехать к знакомой.

У каждого своих предрассудки, таракан и обстоятельства. Кто-то был идейным и считал, что Донецк - его родина. Кому-то просто было деваться некуда. Когда мать получала гуманитарку, должны были что-то и на меня выписать, ей было сказано, что ему уже 16: пусть сам зарабатывает. А 18 будет - пускай идет в ополчение. Гуманитарку нас давали от Рината Ахмедова и от России. Кто-то из них и сказал. На меня один раз пакетик дали крупы и еще чего-то. Больше она за меня вопрос не поднимала.

Я участвовал в дознаваниях. Не всегда было приятно. Точнее - никогда. По-другому было не так. Мало кто хотел оставаться инвалидом.

Иногда мы занимались тем, что просто старались забирать тех, кто были на дежурстве. И тащили к себе или допрашивали по пути. Отпустить их потом было нельзя. Либо они оставались в плену до обмена пленными. Сколько процентов дожидалось обмена пленными зависело от обстоятельств. Либо есть возможность его тащить дальше, либо надо использовать все сразу. 50\50

Сначала я по этому поводу загонялся. Потом я оказался в плену сам. После тех трех дней я испытывал очень сильные отходняки от наркотических веществ, которыми меня пытались накуривать и опаивать: У меня всячески пытались узнать, откуда я конкретно, задачи, звание, должность, хоть что-нибудь. Пытались напоить, накуривали через... Короче, обрезали несколько пластиковых бутылок, придумали своеобразных намордник. У меня просто не было других вариантов, как не дышать испарениями. Обкалывали не знаю чем. Вводили внутривенно. Каким-то чудом у меня получилось свалить. У меня немножко посыпались зубы, но я более или менее развязался. Пытался перегрызть веревку. У меня на этом зубе трещина. Воспользовался всем, что было под рукой. Было очень холодно. Я бежал только в штанах и босиком.

Потом меня уже нашли. Просто на месте, почти в поле. Пока я пытался спать, меня сапогом пинали почему-то. Это конец весны был, когда снега уже сходили.

Бывают такие моменты, когда приходится переходить на повышенные тона, я могу обходиться без ругани и стараться говорить максимально спокойно. Бывает так, что я затыкаюсь, потому что, кроме мата, у меня ничего не остается. Бывает, что я срываюсь, бывает, что я напрямую называю человека тем, кто он есть в моих глазах. Может, он и не мудак, а здесь пришел и ведет себя так.

Один из моментов: дядьке скинул, что у меня на работе происходит. Тогда я был отправлен в другой хостел, была у меня вальпургиева ночь: я заселял 20 узбеков, хоть и с российскими паспортами. Это было очень проблемно и долго. Я вышел покурить. Ко мне подошёл менеджер, который работает в сети хостелов. Говорит, что у меня в хостеле бордель, хоть и в переносном смысле. Беспорядок. в 1:38 ко мне подходят и говорят, что музыка мешает. Захожу туда и понимаю, что это то чучело, которому я говорил подойти. Начинаю объяснять, что он нарушает правила проживания. Ему надо либо оплатить штраф, либо собрать вещи и уйти. Он говорит, что выселяется. Но

стоит, не уходит. Он начинает задавать вопрос, ты где служил, ты кто такой. Я ему попытался аккуратно объяснить, что ни к месту эти вопросы. Он не захотел это слушать. Я отвел его туда, где нет камер, под лестницу. Одной рукой держал, а другой - давал подзатыльники и каждый раз говорил, что твои высказывания ни к месту: либо платишь, либо выселяешься. Валера, стажер, который со мной работал, пошел собирать его тапки, сигареты, которые он обронил. Я его там валял по полу. Вот ситуация, я обошелся без ругани, я аккуратно с человеком побеседовал. Конфликт сошел на нет. Все обошлось. Тут не было другого варианта: он не хотел понимать нормально. Я администратор, я человек маленький, меня ставят перед фактом - куда я должен заселять. Все вопросы к руководству, а номера я не даю.

Когда мне приходится общаться, как в чистом поле, все, капут. Информация есть, а ухватиться за нее не получается. В хостела мне есть, что сказать, из какой кучи информацию достать. Или не так.

Деньги я отправляю домой, покушать, если вижу интересную штуку, которая мне нравится, я начну ходить туда часто и смотреть на нее. Может, 2-3 раза в месяц, а потом возьму и заберу ее. Обычно моим финансам деваться некуда.

С тех пор, как я уехал, у меня и пошло выражение «не бомж, а кочевник».

Когда у меня спрашивают, какое у меня гражданство, кто я и откуда, я просто говорю, что я из Донецка. И все. У меня есть российский паспорт, донецкий, а еще украинский. Выбирайте, какой вам больше подойдет.

Тот дядька, который нас обучал, не определял свою идею обучения чем-то конкретным. Я был рад, что встретил этого человека.

Мне не хотелось идти в училище. Я пожаловался тамошним медикам, но толком ничего нельзя было сделать. Меня просто отстранили от пробежки. Когда мы прибыли в само училище, меня отправили в больницу на месяц. После этого мне заявили, что хотят меня комиссовать. Я говорю, что не особо хочу, так как не против и дальше пострадать.

От моего мнения толком ничего бы не поменялось. Под конец я ушел по-собственному желанию. Потом я пришел в место, где должен был проходить собеседование. У меня через домофон спросили ФИО, где живу. Слишком много информации через домофон, странно как-то, думаю. После долгого молчания мне говорят, что штат укомплектован, собеседования закрыты, до свидания. Я ушел. Спустя пару часов, мне звонит куратор и говорит: «Я же тебе сказал: либо военное училище, либо ничего». Так меня же комиссовать хотели. Это, говорит, твои уже трудности.

Меня не повышали потому что я служил не по своим документам. Еще в военном училище я встретил человека по фамилии Калдович, поляк. Туда берут совершеннолетних, а ему было 17 лет. И в ополчении он был в 16-м году точно. Может, даже в 15-м. В 17-м ему было 18 полных лет. Формально он, как и я, могу пойти в 16 лет. Его даже в военное училище взяли. Я почувствовал подвох. Кажется, меня просто решили отстранить через училище.

Вообще руководство менялось и часто начали обращать внимание на тех, кто очень долго находился в ополчении. Чтобы потом не было вопросов, как мне майор объяснил, лучше я 5 лет посижу в военном училище, а потом дальше разберемся.

Я попытался в Донецке найти работу.

Я в 17-м году даже закончил университет. Прямо перед военным училищем забрал диплом раньше всех. Когда я пытался пойти по образованию как стажер... стажировка не нужна, потому что учили так себе, но об этом я не говорил. Штат укомплектован, стажеров не набираем, всего доброго, там неинтересно. Это я слышал до апреля, пока я не поехал в Питер.

В Донецке для меня что-то все резко кончилось.

Я везде чувствую себя одиноко. Тоска это уже как что-то естественное. Это как будто хочется чихнуть - и никак. Пока что не получилось наткнуться на что-то, что прям ух и резкий всплеск эмоций. Пока ничего не отвлекает от этой тоски. Я могу просто валяться и ни о чем не думать.

Например, когда мы с Артемом долго не виделись, происходит всплеск эмоций, радуюсь. Не так давно он приезжал, чтобы повидаться, но я понимаю, что ничего не испытываю. Никаких эмоций вообще. От этого стало как-то грустно. Я его называю другом и считаю другом, но ничего не почувствовал.

Я недавно починил зуб. Я порадовался, что это оказалось бесплатно. Однажды мне тоже выписали антидепрессанты, но я начал сильно нервничать, что нет никакого толка.

До 5 класса я рос, как одуванчик. Кроме школы, дома и бабушки, и некоторых родственников, я ничего особо и не видел. На улицу выйти и погулять с кем-то из соседских детей у меня не было возможности. Я был дома. Сидел с отцом, смотрел как по вечерам он мог выпить бутылочку пива и заснуть перед телевизором. Я потом шел в свою комнату и тоже смотрел телевизор. После 5 класса мать меня увезла. Мы ушли от отца. К матери он проявлял жестокость. Ко мне - не очень, но мог в подвале закрыть. Я как-то вывихнул палец в 4 классе. Когда спускались по лестнице, я выдал фразу, что, наверное, так бегать больше не буду. Учительница подметила, что отец дает мне подзатыльники, пока я держусь за палец. Отец сорвался на меня и отвесил пару подзатыльников, пока я шел с этим пальцем.

При дальних родственниках отец не проявлял себя как тиран. Я жил с этим человеком, всегда так было. Если я плохо себя вел, следовало наказание. Например, он сломал мои игрушки и просто выкинул. В школьное время я оказался закрыт в подвале: для меня это стало обыденностью. Я просто знал, что когда-нибудь это пройдет и это забудется. Косяками было всё, что не нравилось бате. Или, если в школе нажалуются, или ему что-то покажется. Он всегда подчеркивал, что он мусульманин и как должно быть при нем в доме. Вечно разводил паранойю насчет матери, что она ему изменяет. От этого все шло.

Это было в 6 классе после того, как мы ушли от отца. Нужно было на языке, на предмете, написать сочинение «как я провел лето». Учительнице не отдал, а отнес маме, чтобы она почитала. Она злилась что я не написал как мы ездили на море. Ну я потом написал.

Когда я оказался вне тирании отца, меня даже стали учить слову «хочу». Показали, что можно выйти и погулять, что есть не только дом и школа. Но что-то пошло не так. В некоторой степени мне было жалко отца. Я не мог отказаться от матери, конечно. Но каждый из них тянул меня к себе. Было тяжело. В конкретный момента выбора я не знал, что делать. Я растерялся и замолчал. За меня все решили, отец просто отступился. А наша директриса сказала, что ребенок должен остаться с матерью.

Если бы я остался с отцом, я был бы тем-самым одуванчиком. Я остался с матерью, которая всячески пыталась контролировать мое общение и отношения с отцом, продолжала настраивать против него. Даже сейчас она будет критиковать, если узнает, что ему голосовое сообщение отправляю или отписываюсь ему.

Ничего конкретного от родителей я так и не услышал. Хотел быть парикмахером. Но что-то пошло не так. У меня получалось общаться с теми, кого отбросили в сторонку. Не особо задалось общение со сверстниками. Когда я почувствовал свободу, а начал лазить по городу везде. Иногда были интересные заброшенные места. Так я заводил новых знакомых. Наткнулся на ребят, стало интересно. Начали тренироваться вместе. По физической подготовке, рукопашному бою. Наверное, этому дядьке было скучно, он решил собрать разных шкетов и чему-то научить. Это было на улице. Дядьке было за 50 или за 60. Я как-то вклинился. Гуляли, фигней страдали, кроме тренировок. Тот дядька пытался продвигать идею неонацизма. Типа ходи бритый и докапывайся до людей. Как идеология самосовершенствования. Мы считали себя активными трезвенниками.

Я был самый младший. Начиналось от 18 до 26. Изначально, когда я с ними познакомился, это был 2013 год. То есть 14-15. До конца 17-го года я ничего не пил, не курил, кроме допинга за время ополчения. Об этом тогда чуть позже.

Самосовершенствование, идея создать чистое общество своим примером. Он свою идеологию никак не определял. Он говорил про чистое общество. К примеру, без таких трех киргизов, которые вчера и сегодня пьяные завалились. Общество без пьяных. Ему еще не нравилось, когда молодежь пытаюсь строить себя пацанчиков, блатных.

Отец меня толком ничему не учил. Он просто подчеркивал, что он мусульманин, хотя не делал намаз и сало жрал за обе щеки.

И тут меня забрали Я подхожу к двери, звонка у нас не было, стучат. Три дядьки в форме стоят и смотрят на меня. Спросили, тут ли живу, есть ли взрослые, сказали собраться. Говорят, что сами будут задавать вопросы. С дуру просто открыл дверь. Думал, может, это сосед с 5 этажа. Собрался и сел в ржавую четверочку, мы просто поехали. Я был удивлен и молчал.

Настолько тупому - любые, раз я поехал. Собрали нашу компашку. А я просто любил ходить с бритой башкой, это было удобно. Нас постепенно начали вывозить рыть окопы.

Но никто этого не знал. У меня всегда была отмазка до конца ополчения. Если я уехал надолго, говорил, что к бате. С матерью, что мы ссоримся, может, даже моя вина есть. Первые дни, когда мы там были, нас держали со сбродом. Нехороший человек, получается, жил недалеко от нашего друга, он его знал. Предоставленная информация сошлась. Вот есть нехороший человек, который долбится. Начали пытаться нашего друга, где он берет и что распространяет. За один сеанс они его избили до смети.

В следующий раз мы его не встретили. Родители ничего не знают, пропал.

Просто некоторые из ополченцев об этом говорили. Двое ещё двое - настогда осталось семеро - просто ушли под обстрелами.

Мы копали окопы. Надо было давать деру. Разбежались кто-куда. Активные обстрелы начинались. Начался сильный обстрел. Шли слухи, что украинцы будут прорываться. Я активно подговаривал мать, чтобы переехать всем вместе. Дома сидишь, как крыса, в погребе умрешь, на улицу выйдешь - снаряд прилетит. Уехали в Днепропетровск. Родственники только начали нас по хозяйству эксплуатировать понемногу. Мы решили, что нам так жить некомфортно. Надо бы чухнуть обратно. Мы поехали в Донецк.

Мать с мужем обратно уехали в Алчевск. Я остался в Донецке с бабушкой и дедушкой.

Начали ходить по нашим общим знакомым. Там были чеченцы, кадыровцы, на стороне днр-ии. Мы сначала с ними тусовались случайно. Мы начали тусоваться с оплотом. Это бригада. Кадыровцы, как прикомандированные: из Чечни собрались и приехали.

Я решил, что, раз попробовал, почему бы не продолжить. И это может спасти от того, что случилось в Алчевске.

Когда меня забрали в подвалы и мы валили от своего наказания. Это был вырытый окоп, ветки, стволы дерева. Скорее, землянка. Подвал - общее название. Все началось в 13-м году 2 сентября: убили девочку. Подозреваемым стал родственник моего одноклассника. Его отвезли между Луганском и Алчевском, там были частные сектора. Тогда я уже слышал выражение, что держат в подвале. Те, кто отправлялись на аэропорт: вот вам по 100 долларов, неделю отдыхаете и все. В среднем зарплаты были ближе к сержантскому составу, в среднем 8-10 тысяч гривен. Или того меньше. Потом перешли на рубли: 13-14-15 000.

Назначение, пока товарищ казачок отойдет по своим делам. Стой тут и смотри. Если что - стрельни в воздух. Я знал, как пользоваться. Во время ополчения ничего нового не узнал. Но проблемно его иногда чистить.

Когда я был в ополчении, я старался смотреть на происходящее более идейно. Это моя родина, деваться некуда.

Школу я закончил в 9 классе. У меня среднее специальное образование. Параллельно с ополчением я пошел в университет на газо-электросварщика. 3 экзамена я сдал, а остальные мне поставили автоматом: начались активные обстрелы.

11 февраля, когда я ехал с подработки, подумал попробовать себя в роли охранников. Мне было полных 16. Сажу в автобусе в наушниках, жду отправки. И тут мне в лицо будто что-то упало и прыснуло стекло. Автобус рядом горит и крыша немного отвалилась, упал снаряд в центре города. Я вышел, посмотрел. Где-то сирены воют, люди собираются посмотреть, и три тела лежат на улице. Я тут словно отстранился от всего. Вообще дальше, кроме растяжек ничего не удавалось поставить.

Если на территории проходят активные боевые действия, живность оттуда быстренько сваливает. Так в Донецке прямо в городе начали появляться лисы, куропатки, фазаны. Они выходили ближе к цивилизации.

В принципе, было понятно, что это российские танки, но почему никто не предупредил, что они вклиниваются в происходящее? Почему это не знала линия обороны, которая была за нами?

Я чувствовал себя крысой, которая не может найти норку. В целом, жертвы были. Повезло более или менее.

Ты уже потом в отходнях. Я сижу там, где спокойно, осознание того, что произошло, приходит уже позже. Бывало, день-два ни с кем не говорю, хожу один, делать ничего не хочется. Просто социально расслабляюсь после осознания и некоторых истерик: Просто пробивало на проявление эмоций, но без причины.

Сначала просто глаза начинают слезиться, а потом уже чуть ли не истерика. И покричать хотелось. И трясет всего. Это уже после выездов.

У меня был интерес, чтобы произошла встреча с идейным человеком. С которым разойтись не получится.: Устранить противника это одно. А идейного противника... Если не получалось, то меня сильно торкало.

Иногда получалось общаться. У меня была форма украинского образца, старались носить горку или не совсем уставную. Это форма, похожая на униформу сварщика. Цвета бледно-зеленые. У кого-то пиксельный камуфляж. Тогда мы встретились все по флоре.

Я постарался побыстрее оттуда чухнуть. Мне бы вряд ли повезло, 12 человек попытаться застрелить.

Когда собирал определенные трофеи, что-нибудь брал на память. Сейчас попробую показать. Вот, вооруженные силы Украины, срывал с плеча. Не с мёртвого, а с того кто... Пока еще нет. Он был в процессе.

Правый сектор он как раз был идейный. Получилось так, что я забежал от обстрела в дом. Что-то меня с ног чуть не сбило. Чувствовал, что спиной прижат к стене. Оной рукой пытаюсь человека оттолкнуть, другой ствол автомата держу. Немножко погавкались. Я додумался отстегнуть магазин и передернуть затвор, чтобы патрон из

патронника вышел, чтобы автомат мне уже не представлял угрозы. Его автомат. Я уже опустил оружие, выхватил нож и дал пару раз в грудь.

Я бронежилет чуть оттянул. Его грудная клетка пострадала, все-таки. Он захрипел, упал. Я забрал на память уже второй флажок. Первый - когда в 50 метрах друг от друга встретились. Получилось его застрелить. Пока шел дальше, по пути сорвал.

Такой же флажок. Человек был со стороны вооруженных сил Украины.

Обозначительные знаки увидел и куда он стрелял.

Однажды я отбил от группы, я бился, патронов уже не оставалось. Остался трофейный пистолет Макарова и граната. Зайдет - попробую застрелить, так чеку уже выдернул. В этот момент ничего не было, но был готов выстрелить или взорвать кого-то. Когда зашли свои люди, прям в ногах подкосило. Облегчение, но на слезы пробило.

Последний раз так было, когда узнал, что из жизни ушел один из дальних родственников. Не так давно. От слов отца больше расторкало, чем от слов матери.

Я могу посмеяться, огорчиться, но на фоне всего остального, будто не остается ничего.

Я не со всех снимал трофеи. Иначе я бы их с собой езде и таскал. Были моменты, когда я снимал трофеи не во время боевых действий.

В военном училище, уже после ополчения, меня отправили в больницу из-за колена. Там один из великих воинов великой ДНР-ии решил присвоить себе мой нож. Всем сказал, что это его нож, что он давал его мне, а я не возвращал.

Мне важно, как ко мне относятся близкие люди. Он чувствовал сострадание к таким же угнетенным и неудобным, как и он сам, потому что сам он хотел, чтобы к нему испытывали это же сострадание. Чтобы отвечать такой же взаимностью. Но он это пытался скрывать. Если исходить из сериала, хотя не особо.

Давно было, конечно же. У нас коллективно получалось найти другие темы, разные поводы были. Доходило даже до банальности...

В Донецк возвращаюсь, потому что это мое болото. Оно все равно затягивает. Бывает, приезжаю и звоню на старые номера либо никуда, либо уже на других людей, потому что, видимо, долго не пользовались, старые заблокировали. А эти уже появились в продаже. А порвать связь... В принципе, с 18-го года мы и так почти не общаемся. Даже когда я нахожусь в доме как сожитель. Увиделись, привет, привет, как дела, все. Весь диалог.

Ну, да, было бы лучше лесником где-нибудь на Камчатке. Хотя, в принципе, сейчас ситуация не сильно изменилась. И людей стало больше.

Людям удобно подходить и задрачивать меня, когда им это удобно. Тавтология. Я пытался пообщаться с теми же людьми, но что-то шло постоянно не так. То они заняты, то не в настроении, то попозже свидимся. Да, да. А потом, когда я сижу в

забвении и ничего не хочется, приходит очередной черт и оседает мнении уши. Это в Питере так было.

Когда я попал в военное училище после ополчения, я понял, что это совсем не мое место. Обещали готовить офицеров, а в итоге готовят начитанных пажонов с книжечкой, которые не очень начитанные, потому что у преподавателя можно выпросить хорошую оценку за бутылку коньяка, которая стоит 200 рублей. В принципе, это не офицер, а одно название. Но они отталкиваются от армии.

Сама армия - это почему-то не мое. Армия - это заебы. Вечно есть какой-то черт, который придет и дрочит тебя по причине плохого настроения или без причины в целом.

В некоторой степени в Питере я жил полноценно отдельно, так как никто из родственников и знакомых не мог до меня добраться. Разве что по телефону, который можно отключить.

Каждый день я чувствую непреодолимую тоску от чего-то неизбежного. И кажется, что вот-вот и конец совсем близок. Но это, будто неудовлетворение от того, что хотел чихнуть, но не получилось. И так каждый день. Каждый день это неудовлетворение от неслучившегося чиха.

И каждый раз, когда кто-то пытается меня вырвать из этой колеи, я чувствую злобу. Все-таки хочется вернуться в 15-й или 16-й год.

И утешение получается найти для себя лишь в той самой собачьей службе, потому что не приходится выдавливать из себя эмоции: радость, горечь, печаль, что-либо еще. Будто на все плевать. Уже ничего не приводит в восторг. Я устал.

Наверное, более правдивый и конкретный ответ я дать не смогу.

Это нормально, это в порядке вещей. Это как оно и должно быть в моем понимании. Я не знаю, с каких пор это нормально. Но это некое смирение с тем, что не можешь изменить.

Не могу сказать, что я устал от недосыпа, от работы, от людей, от начальства, от заебов. Я просто устал.

В Питер я приехал и действительно было легче, пока меня не начали трогать обитающие там люди. Каждый день, каждый раз подходит очередное тело и говорит: «Ты, наверное, тут устал один находиться, тебе, наверное, одному скучно». Нет, не особо. 10 минут назад только один ушел, час просидел, теперь вы приходите и так каждый раз, каждый день. По началу было мне хорошо, пока со мной не начали общаться. Когда я пытался общаться, от меня все отворачивались.

Уже в 15-м году я не надеялся выбраться из этого ополчения. Думал там и останусь, но что-то пошло не так. Все-таки, меня оттуда выпнули. Все же я уехал из Донецка. Находясь здесь, я не знаю, что мне делать дальше. На тот момент я не задавался подобными вопросами, потому что я не надеялся на будущее.

В принципе, что в 15-м, что в 16-м, я разрывался между травлей дома и скандалами и излишним вниманием отца, с которым вообще не хотел общаться. Изю дня в день я дал очередной выезд на вызов на выезд, где меня никто не трогает и я могу отдохнуть от того, что происходит в быту, в семейной жизни так называемой.

Вот недавно вышел Король лев. И в русской озвучке его просто невозможно смотреть.